Посс

Государственная власть и общественное самоуправление

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦАISS
838

№ 2643
335
n. 61.

W. Possé: L'Etat

Prix: 10 коп., 25 cent.

BIBLIOTHÈQUE GEORGES KOUKLINE

В. А. ПОССЕ

HA155
П 838

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ
И
ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ

изъ книги

«Теорія и практика пролетарскаго соціализма»

ЖЕНЕВА

1905

2-703

К

ЦА155
П838

1100
28

Ц 6907 у

2010 г.

У
82

#2643
335
12.61.

Глава VII.

Государственная власть и общественное самоуправленіе.

I.

Разсѣять тотъ яко-бы философскій туманъ, которымъ призванные и не призванные ученые бюрократы окружили понятіе *государства* лежитъ по-истинѣ въ *кровныхъ* интересахъ пролетаріата. Въ предыдущихъ главахъ намъ уже приходилось мимоходомъ касаться вопроса о государствѣ; приступая теперь къ разсмотрѣнію общественной организаціи, которая, по нашему мнѣнію, болѣе всего соотвѣтствуетъ интересамъ пролетаріата, вѣрнѣе всего ведетъ къ торжеству соціалистическаго идеала, мы считаемъ необходимымъ снова вернуться къ этому вопросу и по возможности внимательно отнестись къ государственнымъ идеямъ тѣхъ лицъ, имена которыхъ являются чрезвычайно авторитетными для современныхъ русскихъ соціалдемократовъ. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ философомъ-бюрократомъ **Гегелемъ**, тѣмъ самымъ Гегелемъ, на котораго такъ любятъ ссылаться въ своей перебранкѣ «мягкіе» и «твердые» искристы, тѣмъ самымъ Гегелемъ, во имя котораго Плехановъ такъ ловко «діалектически» кувыркается и «по мягкому» и «по твердому», постоянно оставаясь «на высотѣ положенія».

По Гегелю государство — «нравственный организмъ», «всеобщая воля», «объективный духъ», «царство свободы», «высшая изъ всѣхъ цѣлей, цѣль въ себѣ, самоцѣль и конечная цѣль». Государство пред-

2 экз

ставляетъ изъ себя — говоритъ Гегель — «богатое расчлененіе нравственнаго міра, архитектонику его разумности, которая порождаетъ силу цѣлаго изъ гармоніи его членовъ путемъ яснаго раздѣленія круговъ общественной жизни и ихъ правъ, а также путемъ строго размѣренныхъ соотношеній каждой колонны, арки и контрфорса»...

Государство, по мнѣнію Гегеля, существуетъ, какъ «цѣлое» раньше своихъ «частей», т. е. раньше лицъ, его составляющихъ, которые въ немъ рождаются и имъ порождаются.

Гегель возмущается «поверхностной философіей», «размазней сердца», «суетными мнѣніями» демократовъ вродѣ Фриза, который говоритъ, что «всякое общественное дѣло должно получать *жизнь снизу, изъ народа*» и что «всякой отдѣльной задачѣ народнаго образованія и служенія націи должны посвящать себя *живыя* общественныя группы, неразрывно объединенныя священною силою дружбы». Этимъ демократическимъ предразсудкамъ Гегель противопоставляетъ государственную «законность», увѣряя, что «гдѣ царствуетъ законность, тамъ есть и разумность, разумъ, который можно и должно познать».

Проникнутая разумомъ, государственная власть «поддерживаетъ господство общественнаго надъ частными интересами». «Если эти интересы изолируются, берутъ верхъ надъ общимъ благомъ и угрожаютъ цѣлому, то долгъ правительства обязываетъ его отъ времени до времени обновлять и освѣжать здоровье народа потрясеніями войны, чтобы жизнь цѣлаго не застаивалась, какъ въ болотѣ, а продолжала свое теченіе».

«Цѣлительная сила войнъ», по мнѣнію Гегеля, обнаруживается между прочимъ въ томъ, что ихъ нерѣдко предпринимаютъ для устраненія внутреннихъ опасностей и что счастливыя войны препятствовали внутреннимъ безпорядкамъ и укрѣпляли внутреннюю государственную власть.

Наполеонъ I, воплощавшій въ себѣ сильное «государство», предпринимавшее «цѣлительныя» войны, вызывалъ въ періодъ своего могущества, восторженное преклоненіе со стороны философа-бюрократа.

«Я видѣлъ императора» — писалъ Гегель Нитгам-

меру наканунѣ битвѣ подъ Іеной — «*эту міровую душу*, въ то время, когда онъ проѣзжалъ по городу съ цѣлью рекогносцировки; — въ самомъ дѣлѣ испытываешь удивительное чувство, когда видишь такое существо, сконцентрированное въ одномъ пунктѣ, сидящее на лошади и въ то же время повелѣвающее и управляющее міромъ... Такіе успѣхи въ теченіе времени отъ четверга до понедѣльника возможны лишь для этого необыкновеннаго человѣка, которому нельзя не удивляться». *)

Правда, послѣ паденія Наполеона свои восторги Гегель перенесъ на его побѣдителя герцога Велингтона, представителя англійской государственной власти. Велингтона Гегель считалъ типичнымъ государственнымъ человѣкомъ, а всякій «государственный человѣкъ» былъ ему столь же милъ, сколь непріятенъ ему былъ «человѣкъ принциповъ».

Нападая на извѣстный «билль о реформѣ» 1831 г., расширявшій кругъ избирателей въ парламентъ, Гегель выражаетъ опасеніе, что «hommes à principes» (люди принциповъ) станутъ цѣниться выше, чѣмъ «hommes d'état» (государственные люди) и «абстрактное мышленіе» пріобрѣтетъ больше вліяніе, чѣмъ слѣдуетъ.

«Противоположность между hommes d'état и hommes à principes, рѣзко выступавшая во Франціи въ самомъ началѣ революціи и еще не обнаружившаяся въ Англіи, можетъ явиться на сцену вслѣдствіе открытія широкаго пути въ парламентъ. Новый классъ можетъ легко пріобрѣсти вліяніе — боится Гегель — такъ какъ принципы, какъ таковые, просты, а потому они легко схватываются даже невѣжественными людьми».

Понятно, что Гегель преклоняется и передъ Макіавелли, этимъ теоретикомъ «государственныхъ людей», борющихся противъ принциповъ, которые «легко схватываются невѣжественными людьми».

«Гегель — говоритъ Куно Фишеръ — умѣлъ цѣнить значеніе и духовное величіе Макіавелли и нахо-

*) Данныя для характеристики государственныхъ идей и личности Гегеля мы беремъ, главнымъ образомъ, изъ извѣстнаго труда гегельянца Куно Фишера: «Гегель. Его жизнь, сочиненія и ученіе».

дилъ, что Фридрихъ Великій въ своемъ Антимакіавелли, правда, оспариваетъ и отвергаетъ основныя положенія итальянскаго государственнаго человѣка, но въ своей военной политикѣ на практикѣ слѣдовалъ имъ!»

Эта макіавеллевская политика и сдѣлала въ концѣ концовъ изъ Пруссіи «государство, основанное на разумѣ».

Пруссія 20-хъ годовъ, Пруссія «священнаго союза», поставившая своей цѣлью вытравить всѣхъ вольнодумцевъ, всѣхъ людей принциповъ, представлялась Гегелю «государствомъ, основаннымъ на разумѣ». Не даромъ Германія, по мнѣнію Гегеля, лежала какъ разъ въ центрѣ «разумной части земли».

Въ своей «философіи природы» великій нѣмецкій діалектикъ прилагаетъ свой знаменитый методъ, между прочимъ, для выясненія «характернаго различія между Новымъ свѣтомъ (Америкой) и Старымъ свѣтомъ (Азіей, Африкой, Европой)».

Америка въ своихъ двухъ частяхъ представляетъ «неразвитое раздвоеніе», между тѣмъ, какъ Старый свѣтъ съ его тремя частями составляетъ «совершенное, развитое и примиренное раздвоеніе». Африка и Азія образуютъ противоположность, а Европа есть примиреніе противоположностей, «разумная часть земли, равновѣсіе рѣкъ, долинъ и горныхъ странъ, заключающее въ своемъ центрѣ Германію».

Считая Пруссію «государствомъ, построенномъ на разумѣ», Гегель цѣнилъ и Россію, гдѣ въ то время царилъ Николай I.

Онъ совѣтывалъ своему другу лифляндскому барону Икскулю, которому не удавалось постичь тайны гегелевской философіи, искать «вліятельнаго положенія въ Россіи».

«Вы счастливы — писалъ Гегель Икскулю — «что имѣете отечество, занимающее такое огромное положеніе во всемірной исторіи, отечество, которому, безъ сомнѣнія, предстоитъ еще гораздо болѣе высокое назначеніе. Другія современныя государства какъ будто уже болѣе или менѣе достигли цѣли своего развитія, быть можетъ, кульминаціонный пунктъ нѣкоторыхъ изъ нихъ находится уже позади, и форма ихъ пріобрѣла постоянный характеръ, тогда какъ Россія, бу-

дучи уже, пожалуй, наиболѣе могучею силою среди остальныхъ государствъ, заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ неограниченную возможность развитія своей интенсивной природы. Вы съ вашимъ состояніемъ, талантомъ и знаніемъ имѣете личное счастье надѣяться въ близкомъ будущемъ въ награду за оказанныя уже услуги, на важное положеніе, въ этомъ колоссальномъ зданіи».

Разумѣется, Гегель ожидалъ развитія Россіи, скорѣе въ николаевскомъ духѣ, чѣмъ въ духѣ тѣхъ революцій, которыя, къ его великому огорченію, стали подъ конецъ его жизни потрясать Западную Европу.

«Гегель былъ увѣренъ — пишетъ Куно Фишеръ — что эра революцій и государственныхъ переворотовъ закончилась паденіемъ Наполеона, что наступила пора разумнаго изслѣдованія и прогресса, какъ онъ возвѣстилъ это въ своихъ вступительныхъ рѣчахъ въ Гейдельбергѣ и Берлинѣ: эра сознательнаго, спокойнаго и обдуманнаго развитія, признанная въ его системѣ заключительнымъ актомъ мудрости, *эволюція справедливости* въ мірѣ, составляющая и по Канту задачу будущаго...

Взрывы революціи вспыхивали вновь на міровой сценѣ и открывали неожиданныя и непріятныя картины будущаго какъ философу Гегелю, такъ и историку Нибуру.»

Презираемая Гегелемъ «чернь», вѣроятно, отъ неумѣнія «мыслить діалектически» нарушала «эру справедливости» самымъ непріятнымъ и неожиданнымъ образомъ, такъ какъ видѣла въ правительствѣ не представителя «нравственнаго организма», «всемірнаго духа» и «свободы», а «злонамѣренную и враждебную народу власть, передъ которой нужно быть на сторожѣ...». *)

Хорошо еще, что у всякаго государства, построеннаго на разумѣ, имѣется *полиція*, вдохновляемая всемірнымъ духомъ.

«Одно изъ важнѣйшихъ и опаснѣйшихъ бѣдствій,

---

*) «Мысль — говоритъ Гегель — что правительство, какъ таковое, есть злонамѣренная и враждебная народу власть, передъ которою нужно быть на сторожѣ и искать защиты въ конституціи, есть представленіе, по своему происхожденію и настроенію, свойственное черни».

которое должна предупреждать и устранять бдительная полиція — говоритъ Гегель — есть возмущеніе *черни*, т. е. массы совершенно неимущихъ людей, боящихся труда, настроенныхъ противъ общества и государства, всегда готовыхъ къ возстанію и насилію».

Роль полиціи, какъ видите, почти столь же «цѣлительна», какъ и роль войнъ.

Къ «цѣлительнымъ» государственнымъ силамъ принадлежитъ, конечно, и наказаніе.

Наказаніе, по Гегелю, абсолютная отрицательность права, т. е. его утвержденіе. Отрицаніе права — преступленіе, а отрицаніе этого отрицанія — наказаніе.

Въ наказаніи обнаруживается право и справедливость.

Наказаніе есть право *по отношенію* къ преступнику и при томъ его собственное право, такъ какъ онъ имѣетъ право требовать, чтобы къ нему отнеслись, какъ къ разумному и свободному существу, а не какъ къ вредному существу, которое хотятъ сдѣлать безвреднымъ. «Возмездіе — говоритъ Гегель — не должно быть непремѣнно равнымъ преступленію, за исключеніемъ убійства, за которымъ необходимо должна слѣдовать смертная казнь. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь есть полный объемъ бытія, слѣдовательно, наказаніе въ этомъ случаѣ должно состоять не въ отнятіи у жизни какой-либо цѣнности, а въ отнятіи самой жизни».

И такъ осужденный, которому накидываютъ на шею петлю, можетъ радоваться, что обрѣтаетъ наконецъ, свое утерянное право.

Конечно, подобныя выгоды не пріобрѣтаются даромъ.

Государство требуетъ отъ гражданъ жертвъ. Эти жертвы предполагаютъ существованіе храбрости, но храбрости особенной, спеціально государственной. Она, по словамъ Гегеля, представляетъ изъ себя нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ «отвага животнаго и работника» или храбрость рыцаря, она носитъ не личный, а *политическій* характеръ и воплощается въ особомъ *сословіи храбрости*, именно въ *постоянномъ войскѣ*, въ которомъ долженъ служить каждый гражданинъ.

«Истинная храбрость образованныхъ народовъ есть готовность къ жертвѣ на службѣ государства, при чемъ

особь есть лишь одна изъ многихъ единицъ. Здѣсь важна не личная отвага, а подчиненіе всеобщему». «Эта форма храбрости требуетъ, слѣдовательно, совершеннаго повиновенія и отреченія отъ собственнаго мнѣнія, *отсутствія* собственнаго духа и въ то же время самаго интенсивнаго и широкаго *присутствія* духа и рѣшимости въ необходимый моментъ, самой враждебной и въ то же время личной борьбы противъ особей при совершенно равнодушномъ и даже благосклонномъ отношеніи къ нимъ, какъ особямъ». «Принципъ современнаго міра, *мыслъ* и *всеобщее*, придалъ храбрости высшую форму; этотъ принципъ изобрѣлъ *огнестрѣльное оружіе*, изобрѣтеніе его вовсе не случайное, превратило чисто личную храбрость въ абстрактную».

Такимъ образомъ японскіе и русскіе солдаты, покрывая своими трупами Манджурію, проявляютъ храбрость «абстрактную» и «подчиняются всеобщему».

Для проявленія подобной «абстрактной храбрости», для принесенія государству жертвъ, для вѣчной «покорности и услужливости» необходимо, по увѣренію Гегеля, сознаніе *благородное*.

Благородному сознанію онъ противополагаетъ сознаніе *низменное*, которое «видитъ въ государственной власти лишь оковы и притѣсненіе, служитъ противъ воли, покоряется понуро и всегда готово къ возстанію».

«Благородное же сознаніе» не имѣетъ другой цѣли, какъ отдаться государственной власти съ готовностью жертвовать собою; государственная власть съ его точки зрѣнія должна быть возвышенна, олицетворена, превращена въ абсолютнаго властителя; она должна встрѣчать поклоненіе, какъ земное божество... Гдѣ есть жертва, тамъ есть героизмъ. Отчужденіе отъ самого себя, имѣющее характеръ добровольнаго и восторженнаго подчиненія, т. е. жертвы своимъ *я*, состоитъ въ «героизмѣ службы»... Героизмъ этой службы завершается въ «героизмѣ лести».

«Такимъ образомъ тенденція этой власти — быть властью *неограниченнаго монарха* — стоновится *неограниченною*; языкъ лести возводитъ власть на степень чистой «*всеобщности*»».

Эта божественная власть, возведенная на степень всеобщности «героизмомъ службы и лести», должна все

же остановиться передъ неприкосновенностью «частной собственности». Уничтожить частную собственность государство, по мнѣнію Гегеля, не имѣетъ права.

Какъ не «всеобща» государственная власть, она все же представляетъ лишь одну изъ силъ «дѣйствительности», которая у Гегеля совпадаетъ съ разумомъ». Другой силой дѣйствительности является *богатство*. Эти двѣ силы одинаково возникаютъ изъ правового строя, изъ правового государства и всемірнаго царства, изъ государства и права, изъ государства и обладанія. И какъ по отношенію къ государственной власти сознаніе бываетъ «благороднымъ» и «низменнымъ», такъ и по отношенію къ «богатству». «Благородное сознаніе» испытываетъ благодарность къ богатству за полученныя благодѣянія, «низменное же сознаніе» принимаетъ благодѣянія богатства, какъ «преходящія и презрѣнныя наслажденія».

Изъ представителей богатства Гегель особо выдѣляетъ представителей *крупнаго землевладѣнія*, называя ихъ «субстанціональнымъ сословіемъ естественной нравственности». Они принимаютъ участіе въ законодательной дѣятельности, составляя особую (верхнюю) палату. Это, по его мнѣнію, какъ бы монархи среди народа, своимъ рожденіемъ призванные и уполномоченные служить поддержкою трону и обществу».

Вторую палату законодательнаго собранія составляютъ представители «обширныхъ сферъ гражданскаго общества». Здѣсь большую роль у Гегеля играетъ *должность*. Критикуя вюртембергскую конституцію, представлявшую право избирательнаго голоса лицамъ, достигшимъ извѣстнаго возраста и обладающимъ извѣстнымъ цензомъ, Гегель настаиваетъ на необходимости при дарованіи избирательнаго голоса считаться прежде всего съ тѣмъ, есть ли у человѣка должность или нѣтъ? «У кого есть должность, тотъ въ глазахъ людей составляетъ *нѣчто*; если же у человѣка нѣтъ ничего, кромѣ опредѣленнаго количества лѣтъ и гульденовъ, то онъ въ глазахъ міра не составляетъ *ничего* и потому не можетъ быть представителемъ ничего».

И самъ философъ, вѣроятно, не чувствовалъ бы себя «чѣмъ-нибудь», если бы не имѣлъ «должности».

«Моя земная цѣль — писалъ онъ Нитгаммеру 10 октября 1811 г. — достигнута, такъ какъ человѣкъ,

получившій должность и привлекательную жену, вполнѣ законченъ; это главныя статьи, составляющія цѣль стремленій въ личной жизни, остальное уже не настоящія главы, а лишь параграфы и примѣчанія».

«Какъ ни привлекательна обособленность и независимость—писалъ онъ Нитгаммеру въ 1807 г., когда у него не было еще «должности»—тѣмъ не менѣе всякая дѣятельность должна стоять въ связи съ государствомъ и заключается въ работѣ для него».

Не только будучи директоромъ гимназіи, но и будучи уже профессоромъ, философъ считалъ себя «чиновникомъ». Такъ, напр., въ расцвѣтѣ своей берлинской профессуры, онъ обращается съ жалобой на одну рѣзкую анонимную рецензію въ прусское министерство, ссылаясь на то, что онъ «прусскій чиновникъ». Вѣроятно, онъ чувствовалъ себя «прусскимъ чиновникомъ» и тогда, когда добивался запрещенія читать лекціи талантливому молодому ученому Бенеке, относившемуся слишкомъ критически къ гегелевской философіи.

Куно Фишеръ, сообщая со словъ Гайма, что свою статью противъ вюртембергскихъ земскихъ чиновъ, будировавшихъ противъ короля, Гегель написалъ, по предложенію министра фонъ Вангенгейма, обѣщавшаго философу мѣсто канцлера въ Тюбингенскомъ университетѣ, замѣчаетъ:

«Такая побочная цѣль нисколько не ослабила бы объективную цѣнность его статьи; мы не сомнѣваемся также въ томъ, что Гегель обладалъ способностью и стремился къ сочетанію дѣятельности преподавателя съ какой нибудь административной дѣятельностью; быть можетъ, онъ хотѣлъ даже вполнѣ посвятить себя административной дѣятельности. Когда онъ подавалъ прошеніе объ отставкѣ баденскому правительству, получивъ приглашеніе въ Берлинъ, онъ почти прямо сказалъ, что ищетъ случая, становясь старше, перейти отъ временной функціи преподаванія философіи въ университетѣ къ другой дѣятельности».

Занять чисто административную должность Гегелю не удалось, но, и будучи профессоромъ философіи, онъ считался настолько полезнымъ прусскому государству, «построенному на разумѣ», что среди лицъ, чествовавшихъ Гегеля въ Берлинѣ 27 августа 1826 г. былъ и

тогдашній Плеве, министръ юстиціи Камитцъ, котораго Куно Фишеръ рекомендуетъ, какъ «вызывавшаго страхъ и ненависть гонителя демагоговъ».

Во всякомъ случаѣ, Гегель старался, чтобъ его жизнь не расходилась съ его ученіемъ о государствѣ. Въ этомъ ученіи сквозь туманную оболочку красивыхъ и нравственныхъ словъ довольно ясно просвѣчиваетъ «истинная сущность» государства. «Нравственный организмъ» «діалектически» развертывается въ союзъ или «взаимное упованіе» «богатства и должности», богачей и чиновниковъ, господствующихъ надъ народною массою, надъ «чернью», которая отчасти превращена въ «постоянное войско», по мѣрѣ надобности отправляемое на военную бойню для сохраненія внутренняго спокойствія. Въ «хитрой механикѣ» этого господства богатства и должности большую роль играетъ обманъ, а въ этомъ обманѣ — хитрое сплетеніе красивыхъ и нравственныхъ фразъ, выдаваемое за сущность государства. Это сплетеніе въ сущности не имѣетъ ничего общаго съ діалектикой, если ее понимать, какъ методъ мышленія, разсматривающій явленія въ ихъ возникновеніи и развитіи, оно скорѣе относится къ области *резонерства!* «Резонерству» самъ Гегель даетъ превосходное опредѣленіе. Всякое резонерство, по его словамъ, бываетъ произвольнымъ, при чемъ одни основанія считаются хорошими, другія — дурными въ зависимости отъ субъективныхъ мнѣній, оцѣнокъ и интересовъ. Нѣтъ ничего, чтобы не могло быть обосновано и прикрашено резонерствомъ.

«Въ наше время — говоритъ Гегель — богатое рефлексіей и резонерствомъ, не далеко ушелъ тотъ человѣкъ, который не можетъ найти хорошихъ основаній для всего, даже и самого дурного и извращеннаго. Все, что было испорчено въ мірѣ, испорчено изъ хорошихъ основаній».

Резонерство — методъ преимущественно софистовъ и іезуитовъ, но на него въ своемъ государственномъ ученіи сбивается и самъ Гегель, увлекаемый своимъ бюрократическимъ субъективизмомъ. Резонерство часто смѣшиваютъ съ діалектикой, и, напр., типичный современный резонеръ Плехановъ серьезно считаетъ себя діалектикомъ.

Мы потому такъ подробно остановились на государственномъ ученіи Гегеля, что оно имѣло сильное вліяніе на нѣкоторыхъ вожаковъ соціалдемократіи, въ особенности на Лассаля, который вообще не сумѣлъ, подобно Марксу, «перевернуть» гегелевскую философію достаточно рѣшительно. Лассаль увлекся сплетеніемъ красивыхъ и нравственныхъ словъ, послужившимъ Гегелю для прикрытія государственной сущности; Лассаль призналъ всѣ красивыя опредѣленія, данныя государству Гегелемъ, за истину и старался связать идею этого истиннаго государства съ идеей четвертаго сословія или рабочаго класса.

Въ «Программѣ работниковъ» онъ заявляетъ, что четвертое сословіе понимаетъ цѣль государства именно такъ, какова она по-истинѣ (wie er in Wahrheit beschaffen ist) и для выясненія этого пролетарскаго пониманія государства заимствуетъ у Гегеля сплетеніе красивыхъ и нравственныхъ словъ, которымъ тотъ прикрывалъ наготу классоваго господства.

Указавъ, что исторія—это борьба съ природой, съ нищетой, незнаніемъ, бѣдностью, безсиліемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ несвободою всякаго рода, въ которой мы находились, когда человѣческій родъ выступалъ въ началѣ исторіи, Лассаль заявляетъ, что «функція государства состоитъ въ выполненіи этого развитія свободы, этого развитія человѣческаго рода къ свободѣ.» «Государство — это единство индивидумовъ въ ихъ нравственномъ цѣломъ, которое въ милліонъ разъ увеличиваетъ силы *всѣхъ* отдѣльныхъ лицъ, включенныхъ въ это объединеніе, которое дѣлаетъ въ милліонъ разъ многообразнѣе силы, представляемыя въ распоряженіе ихъ *всѣхъ*, какъ отдѣльныхъ лицъ.

«Цѣль государства такимъ образомъ не въ томъ, чтобы *охранить* отдѣльному лицу его личную свободу и собственность, съ которыми онъ по идеи буржуазіи уже вступаетъ будто-бы въ государство; цѣль государства скорѣе заключается какъ разъ въ томъ, чтобы этимъ объединеніемъ дать отдѣльнымъ лицамъ возможность достигнуть такихъ цѣлей, такой ступени бытія, которой они, *какъ* отдѣльныя лица, *никогда* не могли бы достигнуть, сдѣлать ихъ способными добиться такой суммы *образованія*, *силы и свободы*, которая

для нихъ въ общемъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, была бы по-просту не достижима.

«Цѣль государства такимъ образомъ—привести человѣческое существо къ тому, чтобы оно *положительно развернулось* и *прогрессивно развивалось*, другими словами образовать человѣческое *назначеніе* — т. е. культуру, къ которой способенъ человѣческій родъ, въ *дѣйствительное бытіе*; оно является *воспитаніемъ и развитіемъ* человѣческаго рода къ свободѣ.

Вотъ дѣйствительная нравственная природа государства, мм. гг., вотъ его истинная и высшая задача. И это на столько такъ, что она поэтому во всѣ времена *силою* (Zwang) самихъ вещей болѣе или менѣе выполнялась государствомъ, даже безъ его воли, даже безсознательно, даже противъ воли его руководителей.»

Въ примѣчаніи къ той же «программѣ работниковъ» Лассаль указываетъ на опасность идеи *либерализма*, превращающей государство просто въ буржуазное общество, идеи, которая порождаетъ «современное варварство» и ведетъ къ застою и паденію. Онъ радуется, что въ Германіи противъ этой идеи «борется античное образованіе, которое разъ навсегда сдѣлалось непреходящимъ основаніемъ нѣмецкаго духа.» Этимъ образованіемъ порождается правильный, по мнѣнію Лассаля, взглядъ, что «*государство есть учрежденіе, въ которомъ должны осуществляться всѣ добродѣтели человѣчества.*»

Въ увлеченіи государственной идеей Лассаль защищаетъ не только государство, «какимъ оно должно быть», но и государство, каково оно въ настоящее время хотя-бы въ Пруссіи; онъ ищетъ союзниковъ для защиты «государства» не только среди представителей «античнаго образованія», но и среди членовъ прусской судебной палаты.

Въ своей послѣдней защитительной рѣчи онъ обращается къ судьямъ (берлинской судебной палаты), какъ къ людямъ, которые не принадлежатъ къ «тѣмъ современнымъ варварамъ, которые ненавидятъ государство, не то или другое опредѣленное государство, не ту или другую государственную *форму*, но *государство вообще*, и которые, какъ они неоднократно ясно сознавались, лучше всего желали бы от-

мѣнить всякое государство, юстицію и полицію продать съ молотка наименѣе требовательнымъ, войну предоставить вести акціонернымъ обществамъ, чтобы нигдѣ во всемъ цѣломъ не осталось ни одного нравственнаго пункта, откуда можно было-бы оказать сопротивленіе ихъ вооруженному капиталами стремленію къ эксплуатаціи.

«Какъ ни велики различія, раздѣляющія насъ съ вами, милостивые государи — говоритъ онъ прусскимъ судьямъ—*по отношенію къ этому разложенію и уничтоженію всего нравственнаго мы стоимъ рука объ руку.* Древній огонь Весты, государство я защищаю съ вами противъ этихъ современныхъ варваровъ».

Гегельянскимъ «обожествленіемъ» государства объясняется и отношеніе Лассаля къ Бисмарку, въ которомъ онъ несомнѣнно тоже видѣлъ союзника въ борьбѣ за «древній огонь Весты» противъ «современныхъ варваровъ». Лассаль понималъ, конечно, что Гегель, видѣвшій въ Наполеонѣ I «всемірный духъ на конѣ», въ Бисмаркѣ угадалъ бы всемірный духъ въ прусской каскѣ.

Бисмаркъ былъ такой же типичный государственный практикъ, какъ и Наполеонъ I, и оба, держались политики «желѣза и крови», неизбѣжныхъ спутниковъ «нравственнаго организма», именуемаго государствомъ.

Необходимость желѣза и крови должны были признать и оба государственныхъ теоретика: Гегель и Лассаль. Мы видѣли уже, какъ цѣлительны были въ глазахъ Гегеля войны; что же касается Лассаля, то его послѣднимъ планомъ было заставить гамбургскихъ рабочихъ принять резолюцію, требующую отъ Бисмарка, чтобы онъ присоединилъ къ Пруссіи Шлезвингъ-Гольштанію противъ воли Австріи. Лассаль понималъ, конечно, что это присоединеніе не обойдется безъ желѣза и крови, но, вѣдь, безъ кровавыхъ жертвъ «древній огонь Весты» можетъ погаснуть.

Если Лассаль съ одной стороны своею могучею агитаціонной дѣятельностью способствовалъ тому, что пробужденіе классоваго сознанія пролетаріата пошло ускореннымъ темпомъ, то съ другой стороны попыткой объединить идею рабочаго класса съ идеей государства онъ отчасти увлекъ пролетаріатъ на ложный путь. Конечно, жизнь жестоко учила, учитъ и въ концѣ

концовъ научитъ пролетаріатъ правильному отношенію къ государству, какъ къ силѣ ему враждебной, но соціалдемократія не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ далеко еще не освободилась отъ государственныхъ иллюзій. Здѣсь видно, какъ опасно можетъ быть для пролетаріата внесеніе извнѣ идей, заимствованныхъ даже у самого Гегеля.

Признаніе государства истиннымъ творцомъ соціализма окутано у Лассаля гегельянскимъ туманомъ, у многихъ другихъ соціалистовъ-государственниковъ эта идея выступаетъ съ дѣтскою простотою и наивностью. Типичнымъ примѣромъ подобной простоты и дѣтской вѣры въ государство можетъ служить извѣстная книга «Merrie England» (Радостная Англія) англійскаго соціалиста **Роберта Блатчфорда**, редактора соціалистической газеты «Clarion». «Merry England»—одна изъ самыхъ распространенныхъ соціалистическихъ книгъ. Въ одной Англіи она разошлась въ милліонѣ экземпляровъ. Она переведена на нѣмецкій, французскій, голландскій и испанскій языки. Въ Бельгіи ее издалъ оффиціальный органъ бельгійской соціалдемократіи, и переводчикъ рекомендуетъ ее, какъ сочиненіе, гдѣ «соціалистическія теоріи изложены съ ясностью и мощью неопровержимыхъ аргументовъ». И нѣмецкій «Vorwärts» считаетъ Блатчфорда однимъ изъ выдающихся соціалистическихъ мыслителей. Во всякомъ случаѣ Блатчфордъ занимаетъ въ международной соціалдемократіи авторитетное мѣсто, и познакомиться съ его взглядами на соотношеніе между соціализмомъ и государствомъ очень интересно.

«Соціализмъ—говоритъ Блатчфордъ — не состоитъ въ захватѣ насиліемъ собственности богатыхъ и въ раздѣлѣ ея между бѣдными. Соціалисты не требуютъ, чтобы простымъ постановленіемъ парламента или внезапной революціей было установлено равенство между людьми и чтобы ихъ обязали удержать его...

«Нѣтъ, соціализмъ не представляетъ ничего подобнаго. Это—научная система управленія, очень разумная, очень справедливая и очень *практическая*.

«Обыкновенно раздѣляютъ — говоритъ Блатчфортъ —соціализмъ на два вида:

1. Соціализмъ практическій.
2. Соціализмъ идеальный.

Въ дѣйствительности это двѣ части одного и того же цѣлаго; соціализмъ практическій—это своего рода предварительный этапъ къ соціализму идеальному, такъ что мы могли-бы съ большимъ правомъ называть его соціализмомъ элементарнымъ и соціализмомъ болѣе развитымъ.

Практическій соціализмъ такъ простъ, что его можетъ понять ребенокъ. Это—своего рода національная система кооперації, *организованная государствомъ*. Его программа состоитъ, главнымъ образомъ, въ требованіи, чтобы земля и орудія производства сдѣлались общею собственностью націи и чтобы пользовалась и распоряжалась ими нація къ выгодѣ націи.»

Въ видѣ примѣра Блатчфордъ беретъ добычу и обработку соли.

«Копи и фабрики составляютъ собственность нѣсколькихъ фирмъ, конкуррирующихъ между собою. Результаты: множество мелкихъ фирмъ раззорены и много крупныхъ на пути къ этому. Рабочіе въ соляной промышленности работаютъ по 12 часовъ въ день, зарабатывая по 3 шиллинга въ день, а публика больше разбрасываетъ соли, чѣмъ потребляетъ. Поставьте эту отрасль подъ управленіе государства, — перестанутъ производить соль для безполезной растраты; *установятъ десяти часовой рабочій день* и увеличатъ заработную плату до 40 шиллинговъ (20 руб.) въ недѣлю.

«Можно примѣнить тотъ же режимъ къ другимъ отраслямъ промышленности...» «Вы замѣчаете — говоритъ авторъ — что при режимѣ практическаго соціализма существуетъ заработная плата, и, вѣроятно, заработная плата руководителей будетъ выше заработной платы рабочихъ, и заработная плата артистовъ, докторовъ и другихъ интеллигентныхъ и обученныхъ лицъ будетъ выше заработной платы ткачей и матросовъ.»

Таковъ по Блатчфорду «практическій соціализмъ». Что касается «идеальнаго», то при его режимѣ не будетъ «ни денегъ, ни заработной платы». Но «государство» остается: «Промышленность страны будетъ организована и направляема государствомъ, совершенно также это имѣетъ мѣсто въ настоящее время для желѣзныхъ дорогъ.» « Единственная разница, между

первымъ министромъ (идеальнымъ, конечно!) и угольщикомъ будетъ состоять въ рангѣ и занятіяхъ».

Блатчфордъ ставитъ далѣе вопросъ: «какимъ образомъ соціализмъ можетъ быть осуществленъ?». Но ставитъ его, какъ и большинство соціалистовъ-государственниковъ очень неохотно. «Я сознаюсь,— говоритъ онъ—что я поднимаю этотъ вопросъ съ большой неохотой. Установленіе и организація соціалистическаго государства—это два пункта, на которыя я обращаю всего менѣе вниманія.»

«Соціализмъ не можетъ быть осуществленъ внезапной *революціей*. Онъ естественно выйдетъ изъ нашей организаціи и разовьется постепенно. Но его ростъ и развитіе могутъ быть ускорены.

«Меня—говоритъ далѣе авторъ—всегда забавляло слышать вопросы людей слишкомъ практичныхъ: что вы будете дѣлать? когда вы начнете? гдѣ вы остановитесь? Дорогой, господинъ Смитъ, слишкомъ поздно спрашивать когда мы начнемъ? *Мы начали**). *Почти всѣ законы болѣе и менѣе соціалистичны, такъ какъ почти всѣ создаютъ для государства право управлять отдѣльными личностями къ выгодѣ націи. Но въ эти послѣдніе годы законы становятся все болѣе и болѣе соціалистическими...*»

Въ видѣ примѣра Блатчфордъ приводитъ отмѣну права частныхъ владѣльцевъ брать плату за проѣздъ по дорогамъ и черезъ мосты, установленіе извѣстной нормы для ширины улицъ, запрещеніе строить дома задняя стѣна къ задней и т. д. Среди «соціалистическихъ законовъ» будущаго авторъ указываетъ, между прочимъ, запрещеніе загрязнять рѣки, ставя и эту реформу рядомъ, на одну линію съ «переходомъ земли и всѣхъ орудій производства во власть государства.»

Но чтобы осуществить соціалистическія реформы, нужно — замѣчаетъ Блатчфордъ—расположить въ ихъ пользу публику и имѣть демократическій парламентъ.

«Такимъ образомъ первая необходимая вещь — воспитаніе народа, вторая — соціалистическая партія.

«Я хорошо знаю, что можно имѣть демократическій парламентъ и не добиться никакой соціалистической реформы. Примѣръ Америка. Но, если демокра-

---

*) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

тическій парламентъ имѣетъ за собой соціалистическую страну, то не можетъ быть мѣста никакимъ опасеніямъ.»

Таковъ соціализмъ въ представленіяхъ Блатчфорда, и таково въ чистомъ видѣ представленіе большинства интеллигентныхъ соціалистовъ — государственниковъ. Очень характерно, что для руководителей и людей образованныхъ, изъ которыхъ будетъ состоять бюрократія «соціалистическаго» государства, Блатчфордъ въ періодъ «практическаго соціализма» хочетъ сохранить высшее вознагражденіе, чѣмъ для «ткачей и матросовъ». Даже въ періодъ «идеальнаго соціализма» одни будутъ «угольщиками», другіе «первыми министрами».

Блатчфордъ принадлежитъ къ тѣмъ соціалистамъ, которые вполнѣ сознательно стоятъ на государственной точкѣ зрѣнія, у которыхъ современное государство сливается съ государствомъ соціалистическимъ, но среди соціалистовъ не мало и такихъ, которые, защищая «государство» во имя соціализма, имѣютъ въ виду общественную организацію, *по существу* совершенно не похожую на то государство, которое существовало до сихъ поръ и существуетъ въ настоящее время. Къ такимъ «государственникамъ» по недоразумѣнію принадлежитъ извѣстный бельгійскій соціалистъ **Де Папъ** (De Paepe)*), который въ своемъ докладѣ Брюссельскому конгрессу «Интернаціонала» 1874 года объ организаціи общественныхъ службъ въ будущемъ обществѣ (De l'organisation des services publics dans la société future), *формально* защищая необходимость государства, *по существу* доказываетъ его зловредность для пролетаріата.

«Экономисты, сторонники манчестерской школы, съ учениками Бастіа во главѣ — говоритъ Де Папъ въ концѣ своего обширнаго доклада — свели функцію государства до роли сторожа общественной безопасности; мы снимаемъ съ государства - жандарма его аксельбантъ и портупею и передаемъ общественную безопасность подъ охрану общины; это они, быть можетъ, намъ простятъ, но чего они не могутъ намъ простить,

*) Де Папъ, родившійся въ 1841 году въ Остенде и умершій отъ чехотки въ 1890 г. въ Каннѣ, былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ знаменитаго «Интернаціонала» и однимъ изъ основателей бельгійской рабочей партіи.

что въ ихъ глазахъ мерзость запустѣнія, это то, что мы хотимъ замѣнить въ рукахъ государства саблю, которая убиваетъ, книгой, которая просвѣщаетъ, киркой, которая проникаетъ въ земныя нѣдра, локомотивомъ, который перевозитъ пассажировъ и продукты; это то, что мы хотимъ сдѣлать изъ государства вмѣсто агента угнетенія и деспотизма, агента просвѣщенія и агента производства и обращенія товаровъ.

«Мы видѣли въ государствѣ то, что въ немъ видятъ и чего въ немъ не видятъ; мы видѣли собственными глазами и безъ очковъ Бастіа, что государство насъ разстрѣливаетъ, насъ судитъ, насъ заключаетъ въ тюрьмы и мы хотимъ лишить государство его судовъ, его тюремщиковъ и его разстрѣльщиковъ Мы видѣли своими глазами, что государство, да, даже современное государство, государство буржуазное, когда оно хотѣло производить само вмѣсто того, чтобы предоставить производство кампаніямъ капиталистовъ, имѣющихъ въ виду лишь обогащеніе, производило лучше и дешевле, чѣмъ эти кампаніи: мы имѣемъ здѣсь въ виду государственныя желѣзныя дороги въ Бельгіи, почтовое вѣдомство и постройку морскихъ портовъ. Но то, чего мы не видѣли и что придется увидѣть намъ или нашимъ потомкамъ, это — *государство рабочее, государство, основанное на соединеніи свободныхъ рабочихъ общинъ*, окончательно взявшее на себя завѣдываніе всѣми крупными соціальными предпріятіями, которыя государство буржуазное предоставляетъ Мирамъ, Лафанамъ и Дюмонсо къ великому вреду рабочаго класса...»

«Что насъ задѣваетъ болѣе всего — говоритъ нѣсколько раньше Де Папъ—это то инстинктивное отвращеніе, которое соціалисты, согласные съ нами въ другихъ пунктахъ, чувствуютъ къ передачѣ какой-бы то ни было функціи государству, къ какому бы то ни было государственному вмѣшательству; между ними и нами, думаемъ мы, существуетъ по-просту большое недоразумѣніе: быть можетъ насъ раздѣляетъ одно только слово государство; если это такъ, мы охотно отбросили бы это слово, заявивъ все же, что мы сохраняемъ саму вещь (la chose) и даже въ большемъ объемѣ подъ болѣе пріятной оболочкой какого-нибудь другого

названія: общественной администраціи, делегаціи федеративныхъ общинъ и т. д.»

Что защита «государства» у Де Папа въ значительной степени недоразумѣніе, видно изъ слѣдующихъ заключительныхъ словъ его доклада, которыя во многомъ вполнѣ соотвѣтствуютъ антигосударственному представленію объ организаціи пролетарскаго общества.

«Но на ряду съ тѣми—говоритъ Де Папъ—которые ставятъ намъ въ упрекъ роль, отводимую нами государству, есть и такіе, которые отвергаютъ роль, отводимую нами общинѣ. Для якобинцевъ всѣхъ оттѣнковъ государство—великое все, богъ Панъ, въ которомъ все должно жить и двигаться. Для нихъ государство не только спеціальный органъ, имѣющій безъ сомнѣнія очень большое значеніе и высокое(!) назначеніе, но весь соціальный организмъ въ цѣломъ! Они не понимаютъ, какъ можно войти въ жизнь безъ входнаго государственнаго билета и какъ можно уйти изъ этого міра безъ государственнаго паспорта; они не простятъ намъ, что мы отнимаемъ у государства все его сіяніе, весь его блескъ, его блестящее вооруженіе, его прекрасныя красныя и черныя одѣянія, чтобы одѣть его въ блузу углекопа или кочегара. Нѣтъ больше генераловъ республики, нѣтъ больше прокуроровъ республики! Ну, развѣ это не мерзость запустѣнія? Сдѣлать изъ общины стержень соціальной организаціи, не смѣшно ли это!? Община (коммуна) не является ли простымъ территоріальнымъ подраздѣленіемъ департамента (губерніи), какъ этотъ послѣдній—простое подраздѣленіе государства, которому принадлежитъ право назначенія префекта и мэра, губернатора и бюргермейстера. Такъ хочетъ республика единая и нераздѣльная! Что касается вашей соціальной коммуны (общины), которая не удовлетворяется полученіемъ жизни отъ государства, а претендуетъ напротивъ на то, что изъ нея должно исходить государство, что она должна сдѣлать изъ государства двигателя соціализма, то эта старая поджигательница (pétroleuse) подвиги которой мы уже знаемъ и которую мы уже три раза убивали при крикахъ *да здравствуетъ республика* въ 1793 гильотиной, въ іюнѣ 1848 г. ружейными залпами, въ маѣ 1871 г. митральезами!

Очень хорошо! господа великіе граждане Горы!

Мы признаемся, что ваши громы немножко страшнѣе громовъ вашихъ въ данномъ случаѣ союзниковъ, первосвященниковъ ортодоксальной экономической секты, которые удовлетворяются тѣмъ, что даютъ вашимъ подвигамъ благословеніе *своей* науки: во имя свободы труда, предоставляйте работать скорострѣльнымъ ружьямъ, предоставляйте палить изъ митральезъ, предоставляйте проходить пулямъ черезъ тѣло пролетарія... Но, господа, именно потому, что мы не хотимъ позволять себя осуждать, заключать въ тюрьмы, разстрѣливать или гильотинировать, именно потому мы не желаемъ больше вашихъ судей, вашихъ тюремщиковъ, вашихъ сыщиковъ и вашихъ палачей. Якобинскому представленію всемогущаго государства и подчиненной общины мы противополагаемъ представленіе общины освобожденной, которая сама назначаетъ всѣхъ должностныхъ лицъ безъ исключенія, сама создаетъ свои уставы, свои мѣстныя службы, свою полицію. «Либеральному» представленію государства-жандарма мы противопоставляемъ представленіе государства *разоруженнаго*, которому за то поручено обученіе юношества и центральное завѣдываніе крупными работами. — Община становится по преимуществу органомъ политическихъ функцій или того, что называется ими: закона, правосудія, безопасности, гарантіи договора, покровительства немощнымъ, гражданской жизни; но она въ то же время органъ всѣхъ мѣстныхъ общественныхъ службъ. Государство становится по преимуществу органомъ научнаго единства и необходимыхъ обществу крупныхъ работъ въ ихъ цѣломъ. Политическая децентрализація и экономическая централизація — таково, намъ кажется, положеніе, къ которому приводитъ это новое представленіе о двойной роли общины и государства, представленіе, основанное на анализѣ общественныхъ службъ, которыя раціонально свойственны каждому изъ этихъ двухъ естественныхъ органовъ коллективной жизни».

Здѣсь, повторяемъ, много вѣрныхъ указаній; особенно цѣннымъ мы считаемъ протестъ противъ якобинства, которое такъ упорно присасывается къ соціалдемократіи. Такъ, напримѣръ, «Искра» пытается подойти къ русскому пролетаріату не только съ іезуитизмомъ, но съ родственнымъ ему якобинизмомъ.

Откровенный Ленинъ прямо заявляетъ, что «якобинецъ, неразрывно связанный съ организаціей пролетаріата, *сознавшаго* свои классовые интересы, это и есть *революціонный соціалдемократъ*». Это опредѣленіе является прямымъ выводомъ изъ всего, что говорила до сихъ поръ «Искра», но въ данное время ея «криволинейные» вожди въ родѣ Плеханова откровенность считаютъ «недипломатичной» и пытаются отвести глаза отъ якобинства и іезуитства дешевыми анекдотами и натянутыми шутками.

Въ «представленіяхъ» Де Папа, повторяемъ, много пролетарской правды, но на ряду съ этимъ не мало и существенныхъ недоразумѣній. Исходя изъ понятія о «вещи» не существующей, а лишь воображаемой, изъ государства, лишеннаго политической власти, но за то организующаго общественное производство, Де Папъ не можетъ хорошенько разобраться въ понятіи «вещи» реально существующей, государства, какъ проявленія политической власти господствующаго класса. Отнимая у государства военную, полицейскую, судебную и т. д. власти, Де Папъ уничтожаетъ само государство, уничтожаетъ всю ту организацію, которую постепенно создали классы угнетающіе и эксплуатирующіе, чтобы держать въ повиновеніи угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ. Де Папъ придаетъ большое значеніе государственнымъ монополіямъ, государственнымъ желѣзнымъ дорогамъ и т. д. и противопоставляетъ эти государственныя предпріятія предпріятіямъ частныхъ компаній, между тѣмъ, какъ тѣ такъ и другія одинаково являются предпріятіями капиталистическими, буржуазными, основанными на эксплуатаціи пролетаріата буржуазіей. Не являются ли, наприм., владѣльцы государственныхъ бумагъ собственниками государственныхъ желѣзныхъ дорогъ и не составляютъ-ли доходы съ нихъ прибавочной стоимости, получаемой капиталистами въ видѣ «купоновъ» или процентовъ? Не стоитъ ли водочная монополія въ зависимости отъ крупныхъ водочныхъ заводчиковъ?

Во всякомъ случаѣ государственныя хозяйственныя предпріятія устраиваетъ крупная буржуазія въ своихъ выгодахъ.

Государственныя предпріятія облегчаютъ, между прочимъ, «финансовую политику», т. е. облегчаютъ ту

«хитрую механику», благодаря которой рабочій народъ не только кормитъ своихъ эксплуататоровъ, но и содержитъ, войско полицію и другія средства своего угнетенія. Часть прибавочной цѣнности, получаемой отъ государственныхъ предпріятій, идетъ на пополненіе государственной казны, когда становится затруднительнымъ и невозможнымъ для буржуазіи увеличивать налоги.

Конечно, сосредоточенье промышленныхъ предпріятій, земель и т. д. въ рукахъ государства должно облегчить пролетаріату ихъ экспропріацію, но то же можно сказать и о концентраціи капитала въ рукахъ отдѣльныхъ владѣльцевъ и предпринимательскихъ союзовъ (трестовъ, синдикатовъ и т. п.).

Пролетарская соціальная революція состоитъ не въ переходѣ частныхъ предпріятій въ руки государства, а въ переходѣ и частныхъ, и государственныхъ предпріятій къ *обществу*, организованному на началахъ *дѣйствительнаго* равенства, и для этого, какъ намъ уже приходилось указывать, необходимо уничтожить централизованную силу буржуазіи — государство. Говоря о необходимости «отнять» у государства политическую власть, Де Папъ, хотя и не точно высказываетъ именно эту мысль. Но, противникъ якобинцевъ, онъ попадаетъ подъ ихъ вліяніе, когда въ одномъ мѣстѣ своего доклада сочувственно приводитъ мнѣнія соціалистовъ Англіи, Франціи и Германіи, которые стремятся «не къ тому, чтобы ниспровергнуть современное государство, организованное сверху книзу, а чтобы овладѣть имъ и воспользоваться для эмансипаціи пролетаріата огромной централизованной силой, которой располагаетъ государство»...

Де Папъ сравниваетъ государство съ фабричной машиной и современную вражду рабочихъ противъ государства вообще уподобляетъ былой враждѣ противъ фабричныхъ машинъ. Теперь рабочіе поняли необходимость машины и кричатъ: «Намъ машины!»

«Прекрасно, государство — машина: это орудіе общественныхъ службъ. Какъ всѣ другія машины, оно также необходимо для современнаго крупнаго производства и вытекающаго изъ него крупнаго обращенія продуктовъ. Какъ всѣ другія машины, оно также было смертоносно для рабочихъ, оно также до сихъ

поръ функціонировало исключительно для прибыли привиллегированныхъ классовъ. Чтобы положить этому конецъ, слѣдуетъ, чтобы рабочіе завладѣли этой машиной...»

Здѣсь передъ глазами Де Папа, вѣроятно, промелькнули всѣ составныя части государства — солдатъ, жандармъ, чиновникъ, полицейскій, палачъ и т. д., и онъ спѣшитъ добавить:

«Но овладѣвъ имъ (государствомъ), пусть они посмотрятъ, не требуетъ ли машина-государство важныхъ измѣненій, чтобы она не могла причинять поврежденій; пусть они посмотрятъ, не слѣдуетъ ли въ ней устранить нѣкоторыя колеса, которыя къ ней придѣлала буржуазная эксплуатація, и добавить другія колеса, о которыхъ не позаботилась буржуазная невнимательность; пусть они посмотрятъ даже, не слѣдуетъ-ли цѣликомъ поставить ее на новыя основы?...»

Но, спрашиваемъ мы, не будетъ ли это тогда нѣчто совсѣмъ новое, не будетъ ли это совсѣмъ другая «вещь», чѣмъ современное государство и можно ли сохранять для нея старое названіе, ведущее къ путаницѣ понятій и рискованнымъ недоразумѣніямъ?!

Де Папъ такъ упорно держится за слово «государство» и впадаетъ въ рядъ противорѣчій съ одной стороны подъ «положительнымъ» вліяніемъ якобинцевъ-гегельянцевъ, съ другой подъ «отрицательнымъ» вліяніемъ анархистовъ. Онъ замѣчаетъ, что многіе анархисты, нападая на государство, отрицаютъ необходимость вообще всякой общественной организаціи и, защищая противъ нихъ общину и вообще общественную организацію, онъ ошибочно беретъ подъ защиту и государство.

«Анархія» ему вообще симпатична, онъ «съ сожалѣніемъ» отбрасываетъ это слово и готовъ соединить его съ «государствомъ».

«Мы можемъ очень хорошо представить государство безвластное (мы готовы были сказать государство анархическое, но воздержались, такъ какъ многіе изъ нашихъ читателей нашли бы, что эти два термина не могутъ быть соединены одинъ съ другимъ)».

И такъ государство безъ государственной власти! Это тоже, что сказать: государство не государственное.

Мы видимъ, что Де Папу, проникнутому пролетарскимъ антигосударственнымъ чувствомъ, никакъ не удается спасти государство, которое ничто иное, какъ органъ классового господства и, какъ таковой, ни въ коемъ случаѣ не пригодно для пролетаріата, стремящагося уничтожить дѣленіе общества на классы.

Де Папъ ошибался, если думалъ, что уничтоженіе государства тождественно съ установленіемъ «анархіи», понимаемой, какъ полная независимость личности отъ авторитета общества.

Мы думаемъ, что и при пролетарской или соціалистической общественной организаціи, когда не можетъ быть рѣчи ни о какомъ государствѣ, воля отдѣльныхъ личностей должна быть до извѣстной степени ограничена въ интересахъ всего общежитія. Эти ограниченія воли отдѣльныхъ лицъ только тогда потеряютъ значеніе и исчезнутъ, когда человѣчество перевоспитается въ новой общественной организаціи, построенной не на борьбѣ классовъ, а на пролетарской взаимопомощи, на пролетарскомъ принципѣ: «всѣ за каждаго, каждый за всѣхъ».

Чтобы постигнуть природу государства, надо исходить не изъ «идеи государства», не изъ представленія о государствѣ желательномъ, о государствѣ воображаемомъ, а изъ историческихъ фактовъ, показывающихъ происхожденіе и развитіе государства въ разныхъ странахъ, у разныхъ народовъ. Придерживаясь этого исторически-эволюціоннаго или реально-діалектическаго метода, Морганъ, **Энгельсъ** и другіе показали, что государство возникло изъ родовой организаціи, когда вмѣстѣ съ возникновеніемъ частной собственности общество начало раздѣляться на имущихъ и не имущихъ, на господъ и рабовъ. Родовое устройство,—говоритъ Энгельсъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства» — «не знало другого средства принужденія, кромѣ общественнаго мнѣнія». Но для общества, состоящаго изъ господъ и рабовъ, имущихъ и неимущихъ, потребовалась особая общественная сила, отдѣленная отъ народной массы, особая организація для поддержанія порядка, т. е. повиновенія порабощенныхъ

поработителямъ. Сначала «порядокъ» поддерживали непосредственно сами поработители, удерживая въ своемъ исключительномъ распоряженіи оружіе, но постепенно имъ удалось создать такое общественное устройство, при которомъ «порядокъ» стали поддерживать сами порабощенные и угнетенные, часть которыхъ превращалось въ солдатъ, превращенныхъ «дисциплиной» въ слѣпое орудіе угнетателей. Большое значеніе при созданіи этого новаго порядка играло то, что поработители, пользуясь сами знаніемъ и его результатами, забивали мозги порабощенныхъ религіозными предразсудками. Въ систему порабощенія, какъ необходимое звѣно, введена была «церковь». Но едва-ли не самымъ важнымъ для укрѣпленія системы или «порядка» угнетенія была замѣна обычнаго права, которымъ регулировались всѣ отношенія между людьми, правомъ писаннымъ, законами, каждое нарушеніе которыхъ сопровождалось наказаніемъ.

Изданіе и примѣненіе законовъ, вторгавшихся въ самую интимную жизнь каждаго человѣка, господствующій классъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ, выдѣливъ изъ себя *бюрократію* законодательную, судебную и административную.

Составъ порабощенныхъ и поработителей, угнетенныхъ и угнетающихъ въ теченіи исторіи мѣнялся, часть угнетенныхъ попадала въ ряды угнетателей и наоборотъ, но фактъ угнетенія одного класса другимъ оставался и орудіемъ угнетенія продолжало служить государство, эта, если хотите, соціальная «машина», спеціально созданная и усовершенствованная для угнетенія большинства неимущихъ меньшинствомъ имущихъ. Эта машина перешла въ руки буржуазіи, какъ только эта послѣдняя достигла положенія класса господствующаго или угнетающаго.

«Политическая власть въ собственномъ значеніи—говоритъ «Коммунистическій манифестъ»—есть организованная власть одного класса для угнетенія другого». «Современная государственная власть не болѣе, какъ комитетъ, управляющій общественными дѣлами всего буржуазнаго класса».

Видя въ государствѣ организованную силу угнетенія господствующаго класса, Энгельсъ понималъ,

что въ соціалистическомъ обществѣ съ уничтоженіемъ классового господства нѣтъ мѣста и государству.

«Коль скоро не будетъ общественныхъ классовъ — говоритъ онъ*) — которые нужно было бы держать въ подчиненіи, коль скоро съ классовымъ господствомъ и борьбой за существованіе отдѣльныхъ личностей, коренящейся въ существовавшей до тѣхъ поръ анархіи производства, устранены и вытекающія отсюда столкновенія и эксцессы, то нѣтъ болѣе ничего для подавленія, что дѣлало бы необходимымъ особенную репрессивную силу — государство...»

«Вмѣшательство государственной власти въ общественныя отношенія становится постепенно излишнимъ во всѣхъ областяхъ и угасаетъ тогда само собой. Вмѣсто правительства надъ личностями выступаетъ управленіе вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отмѣняется» оно *отмираетъ*».

Еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе о несовмѣстимости государства съ соціалистическимъ строемъ высказывается **Бебель**. Мы уже цитировали въ 3-ей главѣ нѣкоторыя характерныя въ этомъ отношеніи мѣста изъ его книги «Женщина и соціализмъ». Здѣсь мы только укажемъ, что Бебель совершенно правъ, говоря въ одномъ изъ примѣчаній къ своему вышеуказанному сочиненію, что «читателю его должно быть ясно», что о государствѣ въ соціалистическомъ обществѣ не можетъ быть и рѣчи.

И **Каутскій**, подобно Энгельсу и Бебелю, видитъ во всякомъ государствѣ прежде всего организацію или «учрежденіе господства» и онъ понимаетъ, что «съ герцогомъ падаетъ и его мантія», что съ классовымъ господствомъ падаетъ и государство. «Научный соціализмъ позналъ — говоритъ Каутскій въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ программы партійнаго правленія — «что государство ничто иное, какъ органъ классового господства». «Пролетаріатъ можетъ воспользоваться своимъ господствомъ лишь для того, чтобы какъ только позволятъ обстоятельства, устранить основы классового дѣленія, т. е. пролетаріатъ

*) Fr. Engels. «Herrn Eugen Dühring Umwälzung der Wissenschaft».

завоюетъ государство не для того, чтобы сдѣлать его государствомъ «истиннымъ», но, чтобы его уничтожить; не для того, чтобы выполнить «истинную» государственную цѣль, но чтобы сдѣлать государство безцѣльнымъ».

«Споръ о томъ — добавляетъ Каутскій — будетъ ли соціалистическое общежитіе государствомъ или нѣтъ, называли празднымъ препирательствомъ изъ-за словъ. Если бы это было вѣрнымъ, тогда каждую попытку замѣнить неясныя понятія опредѣленными слѣдовало бы объявить празднымъ препирательствомъ изъ-за словъ. Можно бы, наприм., также и споръ о томъ, рыба-ли китъ или нѣтъ, назвать не имѣющимъ никакого значенія для естествознанія препирательствомъ изъ-за словъ. Будущее соціалистическое общежитіе также мало будетъ государствомъ, какъ родъ, средневѣковая община, семья».

Нѣкоторымъ товарищамъ Бебеля и Каутскаго все же очень трудно отказаться отъ «соціалистическаго государства», какъ это показываетъ рѣчь Либкнехта на Эрфуртскомъ партейтагѣ, произнесенная уже послѣ того, какъ Каутскій основательно указалъ, что споръ о томъ, будетъ ли будущее соціалистическое общежитіе государствомъ, отнюдь не простое препирательство изъ-за словъ.

«Далѣе слѣдуетъ замѣтить — говоритъ Либкнехтъ —что въ проектѣ нѣтъ слова «государство», его не было и въ проектѣ правленія и во всѣхъ другихъ проектахъ точно также и въ Магдебурскомъ, который содержитъ нѣкоторыя очень хорошія формулировки. О вопросѣ государства, т. е. вопросѣ, является ли соціалистическое общество *государствомъ* или нѣтъ, я не хочу здѣсь распространяться. Я знаю, что въ этомъ пунктѣ я держусь иного мнѣнія, чѣмъ нѣкоторые коллеги. Но на сколько дѣло касается меня, разница является чисто споромъ о словахъ. Что государство можетъ быть лишь формой общества; что буржуазное общество пользуется всякой формой государства для эксплуатаціи; что буржуазное государство при всѣхъ условіяхъ должно быть государствомъ классовымъ; и что пока существуетъ буржуазное общество, государство должно быть классовымъ, т. е. государственно организованной эксплуатаціей, это истина, которая сама собой по-

нятна для всякаго мыслящаго соціалдемократа. Для меня вопросъ заключается лишь въ томъ, могутъ ли форма и организація, которыя даетъ себѣ человѣческое общество, послѣ того какъ пало классовое государство вмѣстѣ съ буржуазнымъ обществомъ и капиталистическимъ производствомъ, быть названы государствомъ или нѣтъ. Я не могъ найти — и въ этомъ я отступаю отъ различныхъ моихъ друзей — что въ словѣ и понятіи «государство» необходимо заключается понятіе угнетенія и эксплуатаціи. Слово государство имѣетъ вѣдь очень широкое значеніе, оно значитъ вообще упорядоченное общество. Говорятъ о государствѣ пчелъ, о государствѣ муравьевъ, о государствѣ ученыхъ, при чемъ здѣсь не думаютъ объ эксплуатаціи и угнетеніи, но хотятъ выразить понятіе замкнутаго и упорядоченнаго общежитія. Какъ бы то ни было мы не могли выраженіе государство внести въ новую соціалдемократическую программу, во-первыхъ уже потому, что это понятіе спорно и во-вторыхъ потому, что мы теперь имѣемъ дѣло съ государствомъ лишь настолько, насколько оно намъ враждебно. То, что мы должны сказать ясно заключается въ слѣдующемъ: государство представляетъ въ настоящее время и должно представлять, пока существуетъ классовое господство, господствующіе классы, оно должно быть классовымъ государствомъ и съ этимъ государствомъ мы должны бороться въ политической борьбѣ, пользуясь всѣмъ оружіемъ, которое у насъ имѣется, чтобы добиться политической власти для освобожденія себя отъ этого классового государства. Въ другомъ отношеніи намъ съ этимъ государствомъ не приходится имѣть дѣла».

Во всякомъ случаѣ и Либкнехтъ защищаетъ свою государственную позицію очень слабо и неувѣренно, и можно сказать, что въ настоящее время наиболѣе видные вожаки нѣмецкой соціалдемократіи представляютъ себѣ государство въ его «дѣйствительномъ», «истинномъ» видѣ, какъ организованное насиліе господствующаго класса и, признавая, что пролетаріатъ борется за уничтоженіе классового господства, понимаютъ, что торжество пролетаріата въ то же время и смерть для всякаго государства, но (къ сожалѣнію, очень большое «но») они утверждаютъ, что *торжество пролета-*

ріата будетъ достигнуто при посредствѣ государства при посредствѣ государственной власти; основы соціалистическаго строя, по ихъ представленію, могутъ быть заложены лишь государствомъ, которое умретъ лишь послѣ выполненія этой великой задачи.

«Пролетаріатъ — говоритъ Энгельсъ въ «Развитіи научнаго соціализма» — овладѣваетъ *государственною* властью и превращаетъ средства производства въ *государственную собственность*».

«Добиться политическихъ правъ и ими воспользоваться, *заставитъ государственную власть служить своимъ интересамъ*, такова — говоритъ Каутскій *) — неизбѣжная необходимость для пролетаріата; онъ долженъ поэтому организоваться, какъ самостоятельная политическая партія, задача которой въ охранѣ его интересовъ въ государственной жизни и которая должна поставить *своею конечною цѣлью завоеваніе государства, этого самаго сильнаго и единственно достаточнаго рычага для совершенія перехода средствъ производства въ общую собственность*».

Возражая далѣе противъ выраженія «классовое государство» въ примѣненіи къ существующему государству, Каутскій спрашиваетъ: «развѣ существуетъ другое государство?» «Мнѣ указываютъ на народное государство. Подъ этимъ понимаютъ, конечно, государство, завоеванное пролетаріатомъ. Но и оно также будетъ «классовымъ государствомъ». Пролетаріатъ будетъ господствовать надъ другими классами».

И такъ пролетаріатъ для осуществленія соціализма неизбѣжно долженъ завоевать современное государство, но оно вѣдь, какъ утверждаетъ Бебель въ согласіи съ научнымъ соціализмомъ ничто иное, какъ «насиліе и организація, охраняющая и поддерживающая собственность», но, вѣдь, какъ говоритъ Каутскій въ той же статьѣ, которую мы только что цитировали, «за мистическимъ понятіемъ государства, о которомъ юристы умѣли говорить лишь хорошее, скрывалось нѣчто вполне реальное, именно тотъ классъ, который рекрутировался изъ юристовъ, именно *бюрократія*, охранявшая интересы всѣхъ господствующихъ классовъ въ ихъ цѣломъ»; неужели же бюрократія, эта охранительница

*) «Die Neue Zeit» IX Jahrgang II Band № 50.

капиталистическихъ интересовъ, будучи «завоевана» пролетаріатомъ, окажется способной уничтожить классовое господство и положить начало соціалистическому строю?! Неужели бюрократія въ совокупности съ арміей, полиціей и вообще всѣмъ современнымъ государственнымъ аппаратомъ такъ таки сразу и превратится въ свою «противоположность», лишь только попадетъ въ руки пролетаріата?! Это было бы превращеніе уже не столько «діалектическое», сколько мистическое или кабалистическое.

Энгельсъ впрочемъ, видимо считаетъ подобное превращеніе типично діалектическимъ.

Указавъ*), что государство, оффиціально являясь представителемъ всего общества, по существу было представителемъ господствующаго класса, онъ утверждаетъ что «первый актъ, въ которомъ государство дѣйствительно выступитъ представителемъ всего общества—захватъ въ собственность средствъ производства во имя общества—будетъ въ то же время его послѣднимъ самостоятельнымъ актомъ, какъ государства». Затѣмъ оно, по Энгельсу, умретъ. Несомнѣнно, что до сихъ поръ *оффиціальнымъ* представителемъ всего общества въ качествѣ «государства» являлась бюрократія съ коронованной или не коронованной главой, ей же выпадаетъ на долю *дѣйствительное* представительство всего общества и, вѣроятно, отъ такой непривычной роли она заболѣетъ и умретъ. Царствіе небесное! Но ей ли въ предсмертныхъ судорогахъ устанавливать новый пролетарскій строй?!

Мы видимъ, что съ появленіемъ государства въ роли творца соціалистическаго строя, ставшее было яснымъ понятіе государства, снова сдѣлалось неопредѣленнымъ, противорѣчивымъ, мистическимъ. Это, если не видитъ, то несомнѣнно чувствуетъ Каутскій, утвержденіе котораго о возможности только «классового государства» расходится, кстати сказать, съ представленіемъ Энгельса о «государствѣ *дѣйствительномъ* представителѣ *всего* общества».

Въ своемъ извѣстномъ трудѣ «Аграрный вопросъ» Каутскій снова повторяетъ о государственной власти то, что говорилъ лѣтъ десять тому назадъ, а

*) «Herrn Eugen Dühring. Umwälzung der Wissenschaft».

именно, что она — «самый могучій рычагъ для уничтоженія капиталистической системы». «Пролетаріатъ съ необходимостью законовъ природы долженъ стремиться завоевать ее.» «Но (снова очень значительное и серьезное «но», на это разъ въ обратную сторону!) не слѣдуетъ диктатуру пролетаріата представлять себѣ такимъ образомъ, что въ одинъ прекрасный день чернь крупныхъ городовъ насильственнымъ ударомъ завоюетъ министерства и воспользуется принудительными средствами государственной власти для разграбленія богатыхъ.

«Пролетаріатъ не можетъ бороться за обладаніе государственной властью безъ того, чтобы *не поднять* въ этой борьбѣ самого себя и *государство на высшую ступень; онъ не можетъ заставить служить ее своимъ интересамъ, прежде чѣмъ ему не удастся это возвышеніе.* Въ этой борьбѣ онъ сперва пріобрѣтаетъ необходимыя моральныя и интеллектуальныя качества, которыя дѣлаютъ его способнымъ для господствующаго класса, а вмѣстѣ съ тѣмъ для уничтоженія великаго классоваго господства. Но борьба пролетаріата за государственную власть не означаетъ просто борьбу за завоеваніе ея средствъ силы, оно по естественной необходимости означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленіе къ превращенію абсолютной монархіи или олигархіи въ демократію, и стремленіе къ отодвиганію назадъ государственныхъ задачъ господства и выдвиганію государственныхъ задачъ культуры, стремленіе къ превращенію *полицейскаго и военнаго государства въ государство культурное.*

Это само собой разумѣется и не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій».

Надо правду сказать, что писатели всѣхъ ранговъ и степеней прибѣгаютъ къ стереотипнымъ фразамъ: «это не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій», «это само собой разумѣется», не тогда, когда ихъ утвержденія, дѣйствительно, самй собою разумѣются и не требуютъ поясненій, а, наоборотъ, тогда, когда они сомнительны и требуютъ очень серьезныхъ и подробныхъ поясненій. Такъ въ данномъ случаѣ поступаетъ и Каутскій. «Само собою разумѣется!» А утвержденіе представителей научнаго соціализма, что государство, не что иное, какъ организованная охрана частной собственности,

а утвержденіе, что оно въ сущности совпадаетъ съ бюрократіей? Какъ это примирить съ подъемомъ государства на культурную высоту? И зачѣмъ же ему умирать, если оно превращается въ носителя культуры? И почему же быть столь строгимъ къ тѣмъ, которые говорятъ о соціалистическомъ государствѣ? Разъ государство остается государствомъ, потерявъ сущность «военную» и «полицейскую» и пріобрѣтя сущность «культурную», то почему ему не здравствовать и послѣ уничтоженія частной собственности на средства производства!? Нѣтъ, это новое «но», выставленное Каутскимъ совсѣмъ не «само собой разумѣется», оно вноситъ лишь еще болѣе путаницы въ понятіе государства, понятіе, выяснить которое до конца, повторяю, лежитъ въ *кровныхъ* интересахъ пролетаріата.

Надо что-нибудь одно: или бороться съ государствомъ или поднимать его на культурную высоту.

Лассаль, Де Папъ, Блатчфордъ и другіе хотятъ или хотѣли поднимать его и они были во всякомъ случаѣ послѣдовательнѣе Каутскаго.

Представителямъ научнаго соціализма, понявшимъ сущность государства, какъ организованнаго насилія для защиты господствующаго положенія капиталистовъ и крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, необходимо, чтобы быть послѣдовательными, отвергнуть государство не только послѣ установленія пролетарскаго строя, но и въ моментъ его установленія; имъ необходимо отказаться отъ надежды на государство, какъ «на самый могучій и единственно пригодный рычагъ» для уничтоженія частной собственности и дѣленія общества на классы; имъ надо поискать другого рычага, быть можетъ менѣе «могучаго», но за то болѣе надежнаго.

II

Рычагъ для подъема общества на соціалистическую высоту указанъ не Гегелемъ и его послѣдователями, не философами и доктринерами разныхъ степеней, а самимъ пролетаріатомъ въ моментъ его краткаго, частичнаго торжества, въ моментъ **парижской коммуны 1871 г.**, которая была прообразомъ будущей соціальной революціи,

и въ которой, правда, слабо и несовершенно, но все же крайне поучительно проявилось то направленіе, которому долженъ слѣдовать пролетаріатъ при созданіи новой общественной организаціи на истинно демократическихъ, безклассовыхъ основахъ. Коммуна была чрезвычайно поучительной между прочимъ и для **Маркса**, значеніе котораго не въ томъ, чему онъ самъ научился у Гегеля, а въ томъ, чему онъ научился у борющагося пролетаріата; и въ небольшой работѣ Маркса о парижской «коммунѣ»*), написанной имъ въ качествѣ представителя центральнаго комитета «Интернаціонала», сущность «коммуны» выяснена лучше, чѣмъ во всей остальной литературѣ, посвященной великому возстанію парижскихъ рабочихъ въ 1871 г.

Парижскіе пролетаріи, желая «спасти страну», рѣшили взять въ свои руки управленіе общественными дѣлами. Большинство ихъ вожаковъ состояло изъ «бланкистовъ», революціонеровъ-заговорщиковъ, стремившихся ввести новый общественный порядокъ при посредствѣ «захвата власти» группой революціонныхъ диктаторовъ; они были въ теоріи сторонниками «диктаторской централизаціи» въ рукахъ революціоннаго правительства, направляющаго по своему усмотрѣнію старую государственную машину. Но имъ пришлось подъ вліяніемъ революціоннаго инстинкта пролетарскихъ массъ дѣлать, по словамъ Энгельса, «какъ разъ противное тому, что имъ предписывала школьная дисциплина.» «Рабочее сословіе—говоритъ Марксъ—не могло просто на просто вступить во владѣніе уже готовымъ государственнымъ механизмомъ и обратить его на служеніе своимъ собственнымъ цѣломъ.» Оно не думало также объ исправленіи этого механизма, оно съ самого начала приняло мѣры для разрушенія его.

«По мѣрѣ того, какъ прогрессъ современной промышленности развивалъ, расширялъ и увеличивалъ сословную рознь между капиталомъ и трудомъ, государственная власть — пишетъ Марксъ, вдохновенный коммуной — пріобрѣтала все болѣе и болѣе характеръ общественной силы, направленной къ порабощенію труда, характеръ машины для сословнаго господства. Послѣ каждой революціи, которая представляла собою

*) «Гражданская война во Франціи». Библ. русск. прол., № 27.

шагъ впередъ въ сословной борьбѣ, гнетущій характеръ государственной власти выступаетъ все рѣзче.» «Государственная власть, царившая, повидимому, высоко надъ обществомъ, на самомъ дѣлѣ была самымъ вопіющимъ скандаломъ этого общества, источникомъ его порчи.»

Въ этихъ словахъ Марксъ лишь формулируетъ то, что уже созналъ парижскій пролетаріатъ 1871 г. Коммуна была противоположностью государственной власти, но она все же была извѣстной организаціей общественнаго управленія. Она «образовалась изъ муниципальныхъ совѣтниковъ, выбранныхъ округами Парижа посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Члены ея были отвѣтственны и смѣняемы. Большинство ихъ состояло, само собой разумѣется, изъ рабочихъ или завѣдомыхъ поборниковъ рабочаго сословія. Коммуна была учрежденіемъ не парламентскимъ, а рабочимъ и соединяла въ себѣ какъ исполнительную, какъ и законодательную власть. Полиція, служившая до сихъ поръ орудіемъ правительственной власти, была немедленно лишена всѣхъ своихъ политическихъ обязанностей и превращена въ отвѣтственное и смѣняемое во всякое время орудіе коммуны. Та же судьба постигла и чиновниковъ другихъ отраслей управленія. Начиная съ членовъ коммуны и до самыхъ послѣднихъ служащихъ, *общественныя должности оплачивались заработною платою.* Присвоенные высшимъ государственнымъ сановникамъ привиллегіи и оклады изчезли вмѣстѣ съ этими сановниками. Общественныя должности перестали быть частною собственностью въ рукахъ креатуръ центральнаго правительства. Не одно только городское управленіе, но и вся иниціатива, принадлежавшая государству, перешла къ коммунѣ.»

Постоянное войско было уничтожено, духовенство лишено привиллегій и поддержки, школы освобождены отъ вмѣшательства, какъ церкви, такъ и государства. Судьи лишены своей пресловутой независимости и сдѣланы выборными и смѣняемыми; гильотина сожжена при радостныхъ крикахъ народа.

Всѣ выборы должны были происходить на основаніи всеобщей подачи голосовъ, при чемъ право голоса и право быть выбраннымъ имѣли даже иностранцы.

«Всеобщая подача голосовъ — говоритъ Марксъ —

«вмѣсто того, чтобы служить народу черезъ каждые 3 года или 6 лѣтъ какого-нибудь члена господствующаго сословія, который бы представлялъ и давилъ его въ парламентѣ, должна была служить народу, организованному въ коммуну, точно также, какъ служитъ индивидуальное право голоса каждому работодателю при пріисканіи рабочихъ, надзирателей и бухгалтеровъ для своего предпріятія.»

У народа, организованнаго въ коммуны, *не было представителей*, у него были лишь отвѣтственные и во всякое время смѣняемые исполнители его воли.

Организовавшись въ коммуну, парижскій пролетаріатъ, не хотѣлъ, конечно, быть «главою Франціи», не хотѣлъ властвовать надъ остальною Франціей.

Во всѣхъ своихъ воззваніяхъ Парижская коммуна *приглашала* всѣ общины Франціи, какъ городскія, такъ и деревенскія къ *свободному соединенію* съ Франціей въ одну національную организацію, которая, говоря словами Энгельса, «*впервые была бы создана дѣйствительно самою націей.*»

Въ очеркѣ національной организаціи, въ общихъ чертахъ набросанномъ членами парижской коммуны, прямо говорится, что «коммуна должна сдѣлаться политической формой самыхъ ничтожныхъ деревушекъ.» Общины-коммуны должны были соединяться въ окружные или областные союзы, завѣдываніе дѣлами котораго лежало бы на окружныхъ собраніяхъ. Окружныя собранія посылали-бы уполномоченныхъ въ національное собраніе. Уполномоченные могли быть смѣняемы во всякое время и должны были строго придерживаться инструкцій своихъ избирателей.

Коммуна, такимъ образомъ, стремилась къ свободному союзу общинъ или мѣстныхъ самоуправленій, она стремилась къ сознанію *снизу кверху* общественнаго самоуправленія на союзныхъ или федеративныхъ началахъ.

Это была система мѣстнаго самоуправленія, но оно—говоритъ Марксъ— не должно было уже служить противовѣсомъ государственной власти, становившейся совершенно излишней.

Коммунальное устройство «возвратило бы — замѣчаетъ опять-таки Марксъ — общественному организму всѣ силы, которыя до сихъ поръ поѣдало у него «го-

сударство, этотъ паразитъ, питающійся соками общества и мѣшающій ему свободно двигаться.»

Самое устройство коммуны было уже «великой соціальной реформой», «воплощеніемъ идеи рабочаго сословія». Она «была правленіемъ народа посредствомъ самого народа», она была «давно искомой политической формой, подъ которой могло бы совершиться, экономическое освобожденіе труда» и «должна была служить рычагомъ для ниспроверженія экономическихъ основъ, на которыхъ зиждется классовое устройство, а слѣдовательно и кастовое господство.» Она была рычагомъ для экспропріаціи экспропріаторовъ.

Такова характеристика, данная Марксомъ парижской коммунѣ.

Замѣчательно, что и Энгельсъ совершенно отказывается отъ своей вѣры въ государство, устанавливающее соціалистическій строй, какъ только вспоминаетъ великую попытку парижскаго пролетаріата. Въ предисловіи къ «Гражданской войнѣ во Франціи» онъ дѣлаетъ нѣсколько очень цѣнныхъ замѣчаній противъ «философскихъ предразсудкомъ на счетъ государства.»

Онъ указываетъ, что «предразсудокъ на счетъ государства, особенно у нѣмцевъ, изъ философскихъ кружковъ проникъ въ общее сознаніе буржуазіи и даже многихъ рабочихъ.»

«Философъ представляетъ себѣ государство, какъ «осуществленіе идеи» или какъ переведенное на философскій языкъ царство божіе на землѣ, какъ область, въ которой господствуетъ или должна господствовать вѣчная истина и справедливость. Изъ этого проистекаетъ суевѣрное почтеніе къ государству и ко всему тому, что такъ или иначе связано съ государствомъ, почтеніе тѣмъ болѣе прочное, что люди уже съ колыбели проникаются убѣжденіемъ въ невозможности удовлетворить общественныя нужды и потребности иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, т. е. посредствомъ государства и его чиновниковъ. Иной воображаетъ себя богъ знаетъ какимъ смѣльчакомъ, когда отказывается отъ вѣры въ наслѣдственную монархію и становится приверженцемъ демократической республики. *Въ дѣйствительности же государство въ демократической республикѣ не меньше, чѣмъ въ монархіи, есть лишь машина для угнетенія одного класса другимъ;*

въ самомъ лучшемъ случаѣ, оно есть зло, которое перейдетъ по наслѣдству къ побѣдоносному въ классовой борьбѣ пролетаріату, и отъ худшихъ сторонъ котораго надо будетъ, по примѣру коммуны, какъ можно скорѣе, избавиться въ ожиданіи того времени, когда новое, выросшее въ свободныхъ общественныхъ условіяхъ поколѣніе окончательно сброситъ съ себя всю государственную ветошь.»

Намъ кажется только, что пролетаріатъ долженъ употребить всѣ усилія, чтобы этого «лучшаго случая» наслѣдованія «зла» не наступило, чтобы государственная ветошь была сброшена уже революціоннымъ поколѣніемъ.

Оцѣнивая «зло» государства очень вѣрно, Энгельсъ въ указанномъ предисловіи къ «Гражданской войнѣ» впадаетъ, къ сожалѣнію, въ ошибку, которую дѣлаютъ многіе анархисты.

У него государственная власть отдѣляется отъ *всего* общества и становится его *повелителемъ*.

«Путемъ простого раздѣленія труда общество создало себѣ особые органы для охраненія своихъ общественныхъ интересовъ. Но съ теченіемъ времени эти органы, и во главѣ ихъ государственная власть, превратились изъ слугъ общества въ ихъ повелителей.»

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, какъ въ другихъ мѣстахъ признаетъ самъ Энгельсъ, государственная власть не повелитель всего общества, а орудіе господства одного класса надъ другимъ.

Въ доказательство того, что «государственная власть становится совершенно независимой по отношенію къ тому самому обществу, которому она должна бы служить простымъ орудіемъ», Энгельсъ ссылается на Америку.

«Нигдѣ въ мірѣ «политики» на представляютъ собой до такой степени вліятельной и до такой степени обособленной части населенія, какъ въ Сѣверной Америкѣ.»

Нація находится подъ «игомъ» этихъ «политиковъ», организованныхъ въ двѣ партіи, *или вѣрнѣе* двѣ большихъ шайки политическихъ спекуляторовъ, которые поперемѣнно овладѣваютъ властью и эксплуатируютъ ее самыми грязными средствами для самыхъ грязныхъ цѣлей, а нація остается безсильной передъ этими

двумя большими союзами политиковъ, которые, повидимому, находятся у ней въ услуженіи, а на самомъ дѣлѣ грабятъ ее и господствуютъ надъ нею.»

Здѣсь у Энгельса куда то совершенно пропадаетъ классовая борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей и замѣняется борьбой «политиковъ» и «націи».

Это совершенно искаженное отраженіе общественной жизни въ старомъ анархическомъ зеркалѣ. Шайки «политиковъ» въ Америкѣ, дѣйствительно, существуютъ, но онѣ, несомнѣнно, находятся въ услуженіи у буржуазіи, главнымъ образомъ у «трестовъ» и различныхъ архимилльонеровъ въ родѣ Вандербильта, Моргана, Гульда и т. д.

«Политики» до нельзя «наглы», какъ наглы всѣ лакеи богатыхъ господъ, но наглость еще не господство.

Господствуютъ въ Сѣверной Америкѣ, какъ и во всемъ остальномъ цивилизованномъ мірѣ, не политики, а крупные капиталисты, «хозяева», въ рукахъ которыхъ находится государственная машина.

И. Гурвичъ, прекрасный знатокъ американской жизни, цитируетъ въ одномъ изъ своихъ «Писемъ изъ Америки», которыя онъ помѣщалъ въ «Жизни», слѣдующую характеристику этого господства хозяевъ, характеристику, принадлежащую также хорошему знатоку американской жизни В. Т. Стэду:

«Быть можетъ черезъ тысячу лѣтъ учебники исторіи разскажутъ дѣтямъ нашихъ отдаленныхъ потомковъ, что въ концѣ XIX вѣка Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, номинально сохраняя тѣнь республиканскихъ учрежденій, въ дѣйствительности находились подъ менѣе или болѣе деспотическимъ управленіемъ «хозяевъ»; такимъ образомъ, западное полушаріе воскресило передъ взорами міра знакомое зрѣлище древняго Рима, гдѣ тѣнь республики блуждала по семи холмамъ долго послѣ того, какъ Августъ сосредоточилъ всю власть въ рукахъ цезарей. Президенты приходятъ и уходятъ, какъ призрачные консулы въ императорскомъ Римѣ, но владычество «хозяина» остается попрежнему. Неписанное право запрещаетъ переизбраніе президента на третье четырехлѣтіе, но срокъ правленія «хозяина» не ограниченъ никакимъ закономъ.»

Господство «хозяина», какъ въ Сѣв. Ам. Соед. Шт. такъ и во всемъ остальномъ мірѣ, можетъ быть устра-

нено лишь съ уничтоженіемъ государства, но и государство вмѣстѣ съ шайкою «политиковъ» можетъ быть уничтожено лишь съ устраненіемъ «хозяина».

Коммунальное устройство общества въ смыслѣ свободнаго союза свободныхъ общинъ, гдѣ правительствомъ является весь народъ, возможно лишь при томъ условіи, если одновременно съ этой новой политической организаціей «экспропріаторы будутъ экспропріированы».

Внѣ «экономическаго освобожденія труда» — говоритъ Марксъ — «коммунальное устройство немыслимо, внѣ его оно пустой призракъ».

Но и внѣ коммунальнаго устройства, внѣ этого истиннаго *демократизма* невозможно «экономическое освобожденіе труда», не возможенъ *соціализмъ*. Торжество «коммуны» означаетъ такимъ образомъ не только политическое, но и экономическое равенство, оно означаетъ *равенство соціальное*; всѣ члены общины будутъ *производителями*, другими словами рабочими; хозяевъ между ними не будетъ.

И такъ парижскій пролетаріатъ въ краткій моментъ своего торжества указалъ пролетаріату на общественную организацію, соотвѣтствующую его соціальному освобожденію, онъ указалъ, что государство должно быть уничтожено и замѣнено свободнымъ союзомъ свободныхъ общинъ производителей.

III.

Коммунальное или общинное устройство будущаго пролетарскаго общества указывается не только Коммуной 1871 г., но и всѣмъ развитіемъ общества современнаго.

Общественная жизнь и въ настоящее время не ограничивается. конечно, господствомъ буржуазіи и борьбой пролетаріата; общество и въ настоящее время худо-ли, хорошо-ли, но разрѣшаетъ извѣстныя общеполезныя, *культурныя* задачи. Если органомъ господства является преимущественно государство, то выполненіе культурныхъ задачъ выпадаетъ преимущественно на долю *мѣстныхъ самоуправленій* (городскихъ и сельскихъ общинъ, земствъ и т. п.).

Средства господства, какъ указываетъ Каутскій въ «Аграрномъ вопросѣ», неуклонно централизовались въ государствѣ, культурныя же задачи въ значительной степени оставались децентрализованными въ общинахъ и округахъ, т. е. въ мѣстномъ самоуправленіи. Но вмѣстѣ съ «концентраціей» буржуазіи и усиленіемъ государства у господствующаго класса явилось стремленіе подчинить общины (городскія и сельскія) централизованной государственной власти и превратить мѣстныя самоуправленія въ мѣстныя государственные органы. Нашлись, конечно, и ученые бюрократы, которые «доказали», что «самоуправленіе» является частью управленія государственнаго. Въ этомъ отношеніи очень характерна статья Н. Н. Лазаревскаго о «самоуправленіи», которой начинается сборникъ «Мелкой Земской Единицы», изданный русскими либералами. Съ юридическою «легкостью» разбивъ всѣ теоріи, которыя видѣли въ «мѣстномъ самоуправленіи», самостоятельную общественную организацію, Лазаревскій торжественно заявляетъ: «Самоуправленіе есть завѣдованіе государствомъ, черезъ государственныхъ должностныхъ лицъ дѣлами *мѣстнаго* государственнаго управленія». Но, къ счастью, на дѣлѣ накинуть на мѣстное самоуправленіе государственную петлю гораздо труднѣе, чѣмъ на словахъ.

Общинное, какъ городское, такъ и сельское управленіе, слишкомъ тѣсно связано со *всѣмъ* населеніемъ, съ его насущными интересами и нуждами, оно слишкомъ *близко* къ нему, чтобы изъ него можно было сдѣлать *исключительно* органъ классового господства.

Мы видимъ, напротивъ, что въ борьбѣ съ государственной властью мѣстное самоуправленіе нерѣдко защищаетъ интересы не господствующаго класса, а всего населенія; тѣмъ болѣе, что во многихъ западноевропейскихъ городскихъ самоуправленіяхъ пролетаріи пріобрѣли уже такую силу и значеніе, что могутъ приступить къ практической работѣ въ направленіи такъ называемаго «муниципальнаго соціализма». Интересна въ этомъ отношеніи исторія мѣстнаго самоуправленія въ Англіи.

Лѣтъ 30 тому назадъ Марксъ характеризировалъ англійское мѣстное самоуправленіе, какъ «дополненіе къ центральнымъ государственнымъ органамъ, допол-

неніе, состоящее изъ продажныхъ приходскихъ собраній, *корыстныхъ городскихъ совѣтовъ*, свирѣпыхъ попечителей бѣдныхъ въ городахъ и наслѣдственныхъ мировыхъ судей въ деревняхъ»; въ настоящее время мы видимъ въ Англіи не мало городскихъ совѣтовъ, упорно борющихся съ корыстолюбіемъ капиталистовъ, поддерживаемыхъ государствомъ и вообще принимающихъ рѣшительныя мѣры для матерьяльнаго и духовнаго подъема рабочаго класса. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ мѣстнаго самоуправленія вообще и англійскаго въ частности, нѣмецкій соціалдемократъ К. Гуго (Линдеманъ) въ одной изъ своихъ поучительныхъ работъ *) показываетъ, что нѣкоторыя англійскія городскія самоуправленія, въ особенности Глазговское, въ своей дѣятельности руководятся двумя принципами: «самой широкой муниципализаціей частныхъ предпріятій, носящихъ монопольный характеръ и управленіемъ ими въ интересахъ общества, а не съ цѣлью извлеченія несправедливыхъ барышей, способствующихъ сохраненію низкаго размѣра налоговъ».

Эти принципы безъ натяжки можно признать состоящими въ родствѣ съ принципами соціализма. Гуго показываетъ далѣе, какъ часто парламентъ со своей законодательной властью вмѣшивался въ борьбу мѣстныхъ самоуправленій съ частными компаніями, «принося общественные интересы въ жертву вліятельнымъ группамъ частныхъ лицъ», но самоуправленіе, удовлетворяя насущныя нужды всего населенія, оказывается сильнѣе частныхъ компаній, не смотря на поддержку парламента. «Борьба между частными предпринимателями, которымъ ихъ монопольныя предпріятія обезпечиваютъ богатый и вѣрный источникъ доходовъ, и городскими управленіями продолжается часто очень долго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ тянется цѣлыя десятилѣтія, но всегда кончается побѣдою послѣднихъ».

Шагъ за шагомъ города вытѣсняютъ частную предпріимчивость и постепенно обращаютъ въ свою собственность (муниципализируютъ) водоснабдительныя и газоснабдительныя сооруженія, городскія желѣзныя дороги, базары, кладбища, бани, прачешни и т. д.

*) К. Гуго «Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи». Изд. Тов. «Знаніе».

Располагая тѣми производительными силами, которыя развились, благодаря частной предпріимчивости, и превосходя ее единствомъ плана и размѣромъ своихъ средствъ, городское самоуправленіе успѣшно доминируетъ во всей области удовлетворенія общественныхъ потребностей».

Начинаютъ возникать и муниципальныя мастерскія для вытѣсненія такъ называемой «потогонной системы». Въ этихъ мастерскихъ заработная плата и продолжительность работы обыкновенно соотвѣтствуютъ нормамъ, установленнымъ рабочими союзами.

Мало того. Сдавая работы подрядчикамъ, городскія управленія нерѣдко ставятъ условіемъ, чтобы рабочіе этихъ подрядчиковъ получали заработную плату не ниже извѣстной нормы и работали не больше опредѣленнаго числа часовъ.

Проф. П. Виноградовъ въ своей статьѣ о «Мѣстномъ самоуправленіи въ Англіи» *) отмѣчаетъ одну особенно характерную черту этого самоуправленія: «органы и учрежденія возникаютъ въ мѣстной жизни вслѣдъ за потребностями и въ удовлетвореніе появляющихся порознь потребностей. Такимъ образомъ мѣстное самоуправленіе XIX вѣка является въ истинномъ смыслѣ слова дѣтищемъ его соціальной политики».

Въ то время, какъ въ «парламентахъ»—по свидѣтельству одного изъ старѣйшихъ парламентскихъ дѣятелей Бебеля—накопляются цѣлыя горы печатной бумаги, порождающія ничтожнаго мышенка, во многихъ городскихъ управленіяхъ, идетъ положительная культурная работа. И это не только въ Англіи. Во Франціи, Бельгіи, Италіи, Германіи, повсюду замѣтно оживленіе мѣстнаго самоуправленія, повсюду въ городскіе и даже сельскіе совѣты и собранія проникаютъ пролетаріи и не только для того, чтобы бороться съ представителями буржуазіи, но и для положительной культурной работы, подготовляющей общество къ истинно коммунистическому строю. Число «соціалистическихъ» общинныхъ совѣтовъ возрастаетъ довольно быстро, особенно во Франціи.

Проф. Виноградовъ, изучая англійское мѣстное

*) См. сборникъ «Мелкая земская единица».

самоуправленіе, замѣтилъ, что «нѣтъ недостатка въ признакахъ того, что низшіе классы, привыкшіе къ организаціи и самостоятельности въ своихъ религіозныхъ и промышленныхъ союзахъ, начинаютъ заботиться о своихъ мѣстныхъ интересахъ не только косвенно, путемъ выборовъ, но и путемъ непосредственнаго участія въ управленіи. Въ этомъ направленіи, повидимому, предстоитъ дальнѣйшее развитіе приходской единицы наиболѣе доступной такому непосредственному воздѣйствію».

Признаковъ прямого воздѣйствія сознательнаго пролетаріата на общественную жизнь путемъ участія въ мѣстномъ управленіи много не въ одной Англіи.

Не даромъ соціалдемократія въ разныхъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Германіи, принуждена серьезно заняться вопросомъ о «коммунальной политикѣ» и выработать особую коммунальную программу, заключающую рядъ общеполезныхъ реформъ. Гуго-Линдеманъ въ своемъ увлеченіи дѣятельностью городскихъ самоуправленій идетъ такъ далеко, что въ предисловіи къ своей уже указанной работѣ заявляетъ, что «ближайшее будущее прогресса зависитъ отъ развитія городскаго самоуправленія».

Это, конечно, большое увлеченіе. Ближайшее и дальнѣйшее «будущее прогресса» зависитъ прежде всего отъ развитія классовой борьбы пролетаріата, но несомнѣнно, что въ моментъ побѣдоноснаго возстанія пролетаріата городскія и сельскія общины, преобразованныя по образу парижской коммуны 1871 г., сыграютъ большую роль въ соціализаціи средствъ производства и обращенія, и эта роль будетъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ независимѣе мѣстное самоуправленіе отъ государства и чѣмъ больше оно выполняетъ культурныхъ задачъ. Во всякомъ случаѣ однимъ изъ рычаговъ для экспропріаціи экспропріаторовъ и установленія соціалистическаго строя можетъ послужить лишь *преобразованное* мѣстное самоуправленіе, но ни въ коемъ случаѣ не государство.